

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, 2012 ГОД

"Творческая мастерская". Рассказы, эссе, стихи, рассуждения

Самойлова Людмила Николаевна

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение

Гимназия №216 "Дидакт"

Пензенская область, город Заречный

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ И ЕЁ НАЗНАЧЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на примере произведений Виктора Пелевина)

Разговорная речь – особая функциональная разновидность литературного языка. По многим своим признакам она близка к нелитературным формам общения. Разговорная речь используется в тех случаях, когда существует неподготовленность речевого акта, непринуждённость речевого акта и непосредственное участие говорящих в речевом акте. Непосредственность общения исключает письменную форму речи, а непринуждённость типична лишь для неофициального общения, поэтому разговорная речь – это устная неофициальная речь в условиях непосредственного общения.

В художественной литературе разговорные элементы используются как особый выразительный прием, как экспрессивное средство. Функции разговорных элементов в художественной литературе очень разнообразны. Особенно широко используются разговорные элементы в художественном диалоге, настолько, что порой встает вопрос, к какому функциональному стилю относится речь действующих лиц художественного произведения: к художественному или разговорному.

Рассмотрим использование разговорных элементов в современной литературе на примере их применения в произведениях одного из постсоветских писателей Виктора Пелевина.

Проза Пелевина появляется в начале 90-х годов прошлого столетия не на пустом месте, но произрастает она совсем не из лучшего, что есть у великой русской литературы. Исторической точности ради, следует заметить, что Пелевин во многом подражает концептуализму – литературному и художественному, т.е. идеям Сорокина, Пригова, Кабакова, Косолапова и пр. Предшествующим Пелевину культовым прозаиком «светской интеллектуальной» культуры был Владимир Сорокин – «певец го..а и гноя, выдающийся стилист, гений концептуализма», чьи тексты были плохо предназначены для чтения.

Другое дело проза Пелевина. Этот автор с самого начала тяготел к умозрительному, головному конструированию фабулы, избегал «плетения словес»: пелевинская фраза точна и проста, вот только до чего «проста»... Вот как он сам говорит о проблеме стиля: *«По-моему язык и стиль – это то, чего не должно быть заметно. На что это похоже? Вы смотрите на какой-то вид за окном. Если окно прозрачное, вы ясно видите, что напротив – дом, дерево, проехала машина, пробежала собачка. Вот это и есть хороший стиль, хороший язык, который незаметен. А когда стекло покрыто каким-то лаком, узорами, то ничего не видно, видны только эти узоры на стекле, а это то же самое, что смотреть в стену».*

Так куда «смотрит» наш автор и «какими» глазами?

Проза Пелевина – это рассказы о драме поколения, которое готовилось жить при одной общественной формации, а пришлось существовать в другом. А рассчитана она на чтение и осмысление её зародившимся в России «средним классом». Представители этого класса: банковская молодёжь, рекламные агенты, менеджеры и дистрибьюторы, поколение, которое «выбирает «Пепси» или «Клинское», а не русскую литературу и которое, в большинстве своем, отродясь не читало вообще каких-либо книг, а из кино предпочитают видеоклипы.

А ведь литература, как известно, заменяла у нас всё – психологию, социологию, общественную жизнь и т.д. Когда же у самого Пелевина спросили о его ответственности за творчестве, он ответил: *«Я писатель. Я ни перед кем, ни ответственен»*. А это уже революция в русской литературе, в самом облике русского писателя, всегда ранее бывшего носителем морального сознания общества. Так что как продукт своего времени он реально востребован.

О чём же произведения Пелевина? Это рассказы о свинстве окружающей жизни, как её видит автор, где правит бал разруха, неустроенность, «мерзкая рутина жизни» и готовая в любой момент выскочить, глаза выпучить смерть.

Вот что пишет Пелевин о стране и жизни в повести «Омон Ра»: *«Мне вдруг стало противно от мысли, что я сижу в этой маленькой заплёванной каморке, где пахнет помойкой, противно от того, что я только что пил из грязного стакана портвейн, от того, что вся огромная страна, где я живу, - это много-много таких маленьких заплёванных коморок, где воняет помойкой и где только что закончили пить портвейн, а самое главное обидно от того, что именно в этих вонючих чуланчиках и горят те бесчисленные разноцветные огни, от которых у меня по вечерам захватывает дух, когда судьба пронесит меня мимо какого-нибудь высоко расположенного над вечерней столицей окна»*.

В книге Пелевина мало авторской речи, он, не проявляя себя явно перед читателями, вкладывает свои мысли в уста, размышления, сновидения героев книг, а также в постоянные диалоги, которые в сумме и составляют большую часть объёма его произведений. А для того чтобы максимально приблизить диалоги и мысли к читателю, которому они направлены, Пелевин не стесняет себя соблюдением норм и образцов русского языка. Вульгаризмы и жаргонизмы, которые абсолютно недопустимы в русском литературном языке, совсем не стесняют автора. Наоборот, он считает, что, используя их, лучше доносит до читателя всю жизненную правду и живую непосредственность

своих героев, а через них свои концептуальные философские мысли, на которые претендует автор. Благодаря этому, совсем не литературному приему, у читателя создается ощущение, что его герои – вот они, среди нас, мы вписаны в одни и те же реалии, решаем одни и те же проблемы. Мы отождествляем их с собой или себя с ними.

Обычный человек, живя, привыкает к мысли, что есть жизнь, а есть литература, и вдруг оказывается, что кто-то написал и о нём. И что его жизнь и есть литература. А может литература и есть его жизнь? Гремучая смесь восточной философии, компьютера, «дури» и рок-музыки – это очень современная смесь. Однако на какой-то стадии реальность Пелевина слишком близко приближается к той реальности, которую большинство населения принимает как единственную существующую. Пелевин рассчитан в основном на молодых и неначитанных, так как другие справедливо находят его вульгарным и примитивным. Ведь даже благосклонные к Пелевину критики вынуждены называть его простой и «изысканный» стиль всего лишь калькой с английского перевода, а его произведения – текстами.

Использование Пелевиным в своих произведениях разговорных элементов можно увидеть в принесшей славу автору повести «Чапаев и Пустота». Оставим на его совести невероятную трактовку исторических событий и персонажей данной книги, рассмотрим диалоги героев повести:

- Что скажешь, Володин, - спросил Шурик.

- Чего скажу? Как вверху, так и внизу. А как внизу, так и вверху. А когда всё вверх дном, как объяснить, что ни верха нет, ни низа? Вот и говорят на Руси – ночью ж..а барынька.

- Во прется чувак, - сказал Колян. – Даже завидно. Ты сколько съел-то.

Данный пример употребляемых в диалоге слов полностью совпадает с разговорной речью отдельных «личностей» в определённых кругах. Только до Пелевина считалось, что речь подобных «личностей» и художественная литература не имеют ничего общего, а если вульгаризмы и применялись, то

минимально для достижения определённых целей. Пелевин же, «обогащая» русскую литературу такими словами, не спешит свести к минимуму сигналы разговорности. Наоборот, приближая нас к «живой» речи своих героев, автор на многих десятках страниц ведет их разговор исключительно на вульгаризмах, жаргонизмах, «по фене», не стесняясь частенько сбиваться на матерные слова. Они повсеместно «вносят колорит» (зачастую совсем неуместный) в динамику текстов. Причем, как всегда, автору не в пример А.С.Пушкин или А.К.Толстой – Пелевин, где заменяет такие слова точками вместо букв, а где и не стесняется продемонстрировать свои широкие познания в области нецензурной брани. И это не просто обычный эпатаж публики, его «манерность наоборот». Он даже пытается подвести какую-то базу под применение брани: *«Матерные слова стали ругательствами только при христианстве, а раньше у них был совсем другой смысл, и они обозначали невероятно древних языческих богов»*. Пусть эти историко-лингвистические изыски снова останутся на совести автора, мы же вернемся к анализу употреблений элементов разговорной речи в рассматриваемом произведении.

Главный герой книги Петр Пустота, известный поэт петербургских литературных салонов, кажется человеком интеллигентным. Его речь в книге наиболее культурна и правильна, но по ходу произведения он в разговоре с Анной сбивается на вульгаризмы, общаясь с толпой ткачей, и допускает матерные выражения в своих мысленных и устных оценках отдельных людей.

Вот его диалог со своим денщиком Семеном: *«Дверь распахнулась. На пороге стоял желтоволосый кривоносый детина.*

- Чего, спишь, что ли? - спросил он, оглядывая комнату. - Разбудил?

Ну извини. Удивил ты нас сегодня. Смотри, что тебе бойцы подарили.

На одеяло передо мной шлепнулся какой-то предмет, завернутый в газету; пахло неопределенно-знакомым запахом. Я развернул сверток.

Внутри был бублик, из тех, что продавались в булочной на главной площади,

только совершенно черный, и несло от него дегтем, которым солдатня мажет свои сапоги.

- Что, ай не рад? - спросил денщик.

Я поднял на него глаза, и он сразу попятился прочь; прежде, чем я нашарил в кармане браунинг, он уже исчез из проема, и три пули, которые я всадил в прямоугольник открытой двери, с ангельским пением отприкошетили от каменной стены коридора.

- Все. Бабы. Суки, - громко произнес я и рухнул на кровать.

Довольно долго моего покоя не нарушал никто. За окном стоял пьяный гогот».

В этой сцене весь букет разговорной речи. Здесь целый набор просторечий: «чего», «ай, не рад», «гогот». Другие разговорные слова передают отношение главного героя к окружающим его людям: «детина», «солдатня», «бабы». Аналогично просторечиям подобраны и глаголы: «пахнуло», «нашарил», «всадил». Построение предложений диалога нарочито примитивно. Всё это не только живописно рисует происходящее действие, показывает психологическое состояние героев, но главное передаёт отношение к происходящему автора, который посредством этих слов и их построений, «подсказывает» читателю свою оценку творящемуся в его же книге.

Что ждать от других героев книги, когда самый интеллигентный ведет себя так? Вот и японец Кавабата, свято хранящий национальные традиции, тонко разбирающийся в церемониях и стихах орёт: «Козёл, го...о,, ...». И это ещё не самые нецензурные выражения в данной книге...

Допустимо ли вообще всё это? По-моему, недопустимо, исходя из норм и правил русского языка, да и принципов общечеловеческой морали. Но только не для Пелевина.

Рассмотрим ещё один пример использования автором элементов разговорной речи. Хотя формально одна половина действия книги происходит в 1918 году, а другая в 1993, читателя подводят к отождествлению этих времён, и не только за счёт одинаковости исторических судеб страны и проблем, стоящих перед героями, но и большей частью за счёт одинаковости написаний «заборными» красками московских дворов, «заведений», «свинорылой публики», витающего запаха наркотиков, экстра-культурки и «пыжащихся» «новых русских». Описание всего этого автор передаёт за счёт широкого использования просторечий в описаниях, нарочитой грубости и примитивности слов в диалогах, вынося всем этим им свою оценку. Оценка, скорее не как характеризующую действительность, сумму баллов, а как констатирование происходящего в сознании автора и читателя. Ведь мир(проходит у Пелевина из книги) не новая мысль, совсем не то, что мы видим вокруг себя, а только его отражение в нашем сознании, которого не может быть истинным ввиду субъективности каждого индивида. То есть нам недоступен как подлинный мир, так и его оценка. Таким образом, изменить в этом мире ничего невозможно, а, следовательно, и делать ничего не стоит, остаётся только смотреть на него глазами Пелевина.

Стоит отдать должное автору в его натуральности и точности описаний: *«водка с марафетом, толстый стакан, в котором размешана широким ножом матроса добрая щепоть кокаина»*. От всего этого передергивает читателя, будто он лично участвует в этой сцене. Но, по-моему, ещё интереснее угол зрения автора, передача его видения происходящего. Рассмотрим это погружение в ракурсы и методы его изложения на выдержке из «Жизни насекомых»:

«Внизу непрерывным потоком ползли спешащие к пню насекомые, напирали на тех, кто прополз по этому же пути раньше, и втапывали их в землю – словно живой разноцветный ковер стягивался к пню и подворачивался

сам под себя». Вот так автор ярко передает ощущения легкости и псевдопростоты, с которой мир выворачивается наизнанку.

Но опять «косяки», «облавы», «конопляные клопы», «гадины», «самки в синих трусах» - это то, что ещё можно цитировать из просторечий «Жизни насекомых», где насекомые носят имена Дима, Марина, Артур, Николай. О чём и о ком это всё? О нас, конечно. О нашей жизни, которую Пелевин образно сравнивает с *«навозным шаром»*. Или с бесконечным, никогда не останавливающимся поездом из повести «Желтая стрела», *«который идет к разрушенному мосту. Поезд, в котором мы едем»*. Поезд – аллегория, где на ходу из вагонов выбрасывают мусор и покойников, где процветает воровство и стяжательство, а дни и годы летят, не отличаясь, друг от друга. Можно соглашаться или не соглашаться с его специфичным видением мира, но не услышать предупреждения, к чему катится мир, невозможно.

